

Бахман. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Бахман. Владимир Владимирович Набоков

Не так давно промелькнуло в газетах известие, что в швейцарском городке Мариваль, в приюте св. Анжелики, умер, миром забытый, славный пианист и композитор Бахман. Я вспомнил по этому поводу рассказ о женщине, любившей его, переданный мне антрепренером Заком. Вот этот рассказ.

Госпожа Перова познакомилась с Бахманом лет за десять до его смерти. В те дни золотой, глубокий, сумасшедший трепет его игры запечатлевался уже на воске, а заживо звучал в знаменитейших концертных залах. И вот, однажды вечером, – в один из тех осенних прозрачно-синих вечеров, когда больше боишься старости, нежели смерти, – Перова получила от приятельницы записку: “Я хочу показать тебе Бахмана. Сегодня после концерта он будет у меня. Приходи”.

Я особенно ясно представляю себе, как надела она черное, открытое платье, быстрым движеньем надушила себе шею и плечи, взяла веер, трость с бирюзовым набалдашником, и посмотревшись напоследок в тройную бездну трюмо, задумалась и оставалась задумчивой всю дорогу от дома своего до дома подруги. Она знала, что некрасива, не в меру худа, что бледность ее кожи болезненна, – но эта стареющая женщина с лицом неудавшейся мадонны была привлекательна именно тем, чего больше всего стыдилась, – бледностью губ и едва заметной хромотой, заставлявшей ее всегда ходить с тростью. Муж ее, страстный и острый делец, был в отъезде. Лично господин Зак его не знал.

Когда Перова вошла в небольшую, фиолетовым светом залитую гостиную, где тяжело перепархивала от гостя к гостю ее приятельница, тучная, шумливая дама в аметистовой диадеме, – ее внимание тотчас же привлек высокий, бритый, слегка напудренный господин, который стоял, облокотившись на выступ рояля, и что-то рассказывал трем дамам, подошедшим к нему. Хвосты его фрака были на добротной, особенно пухлой, шелковой подкладке, и разговаривая он то и дело откидывал темные, маслянистые волосы, раздувая при этом крылья носа, – бледного, с довольно изящной горбинкой. Во всей его фигуре было что-то благосклонное, блистательное и неприятное.

– Акустика ужасная! – говорил он, дергая плечом, – а публика вся сплошь простужена. Не дай Бог кому-нибудь кашлянуть, моментально несколько человек подхватят, и поехало... – Он улыбнулся, откидывая волосы. – Это, знаете, как ночью, в деревне, собаки.

Перова подошла, легко опираясь на трость, и сказала первое, что пришло ей в голову:

– Вы, наверно, устали, господин Бахман, после вашего концерта?

Он поклонился, очень польщенный:

– Маленькая ошибка, мадам. Моя фамилия – Зак. Я только импрессарио нашего маэстро.

Все три дамы рассмеялись. Перова смутилась и рассмеялась тоже. Об удивительной игре Бахмана она знала только понаслышке и портрета его не видала. В эту минуту к ней хлынула хозяйка, обняла и таинственно, одним движеньем глаз, указав в глубину комнаты, шепнула:

– Вот он... посмотри...

И только тогда она увидела Бахмана. Он стоял в стороне от остальных гостей и, расставя короткие ноги в мешковатых черных штанах, читал газету, придвинув к самым глазам мятый лист и шевеля губами, как это делают при чтении полуграмотные. Был он низкого роста, плешивый, со скромным зачесом поперек темени, в отложном крахмальном воротничке, слишком для него широком. Не отрываясь от газеты, он рассеянно проверил одним пальцем ту часть мужской одежды, которая у портных зовется гульфик, и зашевелил губами еще внимательнее. Был у него очень смешной, маленький, круглый подбородок, похожий на морского ежа.

– Не удивляйтесь, – сказал Зак. – Он в буквальном смысле неуч: как придет в гости, так сразу берет что-нибудь и читает.

Бахман вдруг почувствовал, что все смотрят на него. Он медленно повернул лицо и, подняв растрепанные брови, улыбнулся чудесной, робкой улыбкой, от которой по всему лицу разбежались мягкие морщинки. Хозяйка поспешила к нему:

– Мсье Бахман, позвольте вам презентовать еще одну из ваших поклонниц, – госпожу Перову.

Он сунул ей свою бескостную, сыроватую руку:

– Очень приятно, очень даже приятно...

И опять уткнулся в газету.

Перова отошла. Розоватые пятна выступили у нее на скулах. От радостного движения черного, блестящего стеклярусом веера затрепетали светлые завитки на висках. Зак мне потом рассказывал, что в тот первый вечер она произвела на него впечатление необыкновенно темпераментной, – как он выразился, – необыкновенно издерганной женщины, даром, что губы и прическа были у нее такие строгие.

– Эти двое друг друга стоили, – передавал он мне со вздохом. – Бахман-то, и говорить нечего, совершенно был лишен мозгов. А главное – пил, знаете. В тот вечер, когда они встретились, мне пришлось быстро, – прямо-таки на крыльях, – увести его, так как он вдруг потребовал коньяку, – а ему нельзя было, нельзя было. Мы же просили его: пять дней не пей, только пять дней, – т. е. пять концертов, вы понимаете... Ангажемент, Бахман, держись... Что вы думаете, ведь даже какой-то поэт в юмористическом журнале срифмовал “У стойки” и “Неустойки”. Мы буквально из сил выбивались. И притом – капризный, знаете, фантастичный, грязенький. Совершенно ненормальный субъект. Но играл...

И Зак молча закатывал глаза, тряся поредевшей гривой.

Просматривая с господином Заком тяжелый, как гроб, альбом газетных вырезок, я убедился, что именно тогда, во дни первых встреч Бахмана с Перовой, началась настоящая, мировая, – но какая короткая – слава этого удивительного человека. Когда и где Перова сошлась с ним, – этого никто не знает. Но после вечера у приятельницы Перова стала бывать на всех концертах Бахмана, в каком бы городе они ни давались. Сидела она всегда в первом ряду, прямая, гладко причесанная, в черном, открытом платье. Некоторые ее называли так: хромая мадонна.

Бахман выходил на эстраду быстро, – как будто вырвавшись из вражеских или просто надоедливых рук. Не глядя на публику, он подбегал к роялю и, нагнувшись над круглым стулом, принимался нежно вращать деревянный диск сиденья, отыскивая какую-то математическую точку высоты. При этом он убедительно и тихо ворковал, усовещевая стул на трех языках. Возился он так довольно долго. В Англии это умиляло публику, во Франции смешило, в Германии – раздражало. Найдя точку, Бахман легонько и ласково хлопал ладонью по стулу, – и садился, нашаривая педали подошвами старых лакированных туфель. Потом доставал просторный несвежий платок и, тщательно вытирая им руки, оглядывал с лукавой и вместе с тем робкой улыбкой первый ряд. Наконец, он мягко опускал руки на клавиши. Но вдруг вздрагивал страдальческий живчик под глазом: цокнув языком, он сползал со стула и снова принимался вращать нежно скрипящее сиденье.

Зак думает, что, в первый раз прослушав Бахмана и вернувшись к себе домой, Перова села у окна и просидела так до зари, вздыхая и улыбаясь. Он уверяет, что еще никогда Бахман так хорошо, так безумно не играл, и что потом, с каждым разом, он играл все лучше и все безумнее. С несравненным искусством Бахман скликал и разрешал голоса контрапункта, вызывал диссонирующими аккордами впечатление дивных гармоний и – в тройной фуге – преследовал тему, изящно и страстно с нею играя, как кот с мышью, – притворялся, что выпустил ее, и вдруг, с хитрой улыбкой нагнувшись над клавишами, настигал ее ликующим ударом рук. Потом, когда его ангажемент в том городе кончился, он, как всегда, на несколько дней исчез, запил.

Посетители сомнительных кабачков, ядовито пылавших в тумане угрюмого предместья,

Бахман. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
видели плотного низенького господина с растрепанной плешью и глазами, мокрыми, розовыми, как язвы, который садился всегда в сторонку, но охотно угощал всякого, кто пристанет к нему. Старичок-настройщик, давно погибший человек, несколько раз повыпив с ним, решил, что это брат по ремеслу, ибо Бахман, опьянев, барабанил пальцем по столу и тонким голосом брал очень точное “ля”. Случалось, что скуластая деловитая проститутка уводила его к себе. Случалось, что он вырывал у кабацкого скрипача инструмент, топтал его и был за это бит. Знакомился он с картежниками, матросами, атлетами, нажившими себе грыжу, – а также с цехом тихих, учтивых воров.

Ночами напролет Зак и Перова его разыскивали. Впрочем Зак искал только тогда, когда нужно было “завинтить” его, – т. е. приготовить к концерту. Иногда находили, иногда же, осоловевший, грязный, без воротника, он сам являлся к Перовой; она молча и ласково укладывала его спать и только через два-три дня звонила Заку, что Бахман найден.

В нем сочеталась какая-то неземная робость с озорством испорченного ребенка. С Перовой он почти не говорил. Когда она увещевала его, брала за руки, он вырывался, хлопал ее по пальцам, пискливо вскрикивая, словно легчайшее прикосновенье причиняло ему раздражительную боль, и потом долго плакал, накрывшись одеялом. Появлялся Зак, говорил: надо ехать в Лондон, в Рим, – и Бахмана увозили.

Три года продолжалась их странная связь. Когда Бахмана, кое-как освеженного, подавали публике, Перова неизменно сидела в первом ряду. Во время далеких гастролей они останавливались в смежных номерах. Несколько раз за это время Перова видалась с мужем. Он, конечно, знал, как знали все об ее восторженной и верной страсти, но не мешал, жил своею жизнью.

– Бахман мучил ее, – настойчиво повторял мне господин Зак. – Непонятно, как она могла его любить. Тайна женского сердца! Я видел собственными глазами, как в одном доме, где они были вместе, маэстро вдруг зашел на нее зубами, как обезьяна, и знаете – за что? Она хотела ему поправить галстук. Но играл он в те дни гениально. К тому времени относится его симфония D-молль и несколько сложных фуг. Никто не видел, как он писал их. Самая интересная – так называемая “Золотая fuga”. Слыхали? Тематизм в ней совершенно своеобразный. Но я говорил об его капризах, об его растущем помешательстве. Ну так вот. Прошло, значит, два года. И вот однажды в Мюнхене, где он выступал...

И Зак, подходя к концу своего рассказа, все печальнее, все внушительнее шурился.

Оказывается, что в ночь приезда в Мюнхен Бахман удрал из гостиницы, где, как обычно, он остановился вместе с Перовой. Через три дня должен был состояться концерт, и потому Зак находился в истерической тревоге. Поиски ни к чему не привели. Дело было поздней осенью, хлестал холодный дождь. Перова простудилась и слегла. Зак с двумя сыщиками продолжал исследовать кабаки.

В день концерта позвонили из полиции, что Бахман найден. Он был ночью подобран на улице и в участке отлично выспался. Зак молча повез его из участка в театр, сдал его там, как вещь, своим помощникам, а сам поехал в гостиницу за фракком. Перовой через дверь он доложил о случившемся. Потом вернулся в театр.

Бахман, надвинув на брови черную фетровую шляпу, сидел в артистической и печально стучал пальцем по столу. Вокруг него суетливо шептались. Через час в огромной зале публика стала занимать места. Светлая белая эстрада, с лепными украшениями по бокам в виде органных труб, и блестящий черный рояль, поднявший крыло, и скромный грибок стула ожидали в торжественной праздности человека с мокрыми мягкими руками, который сейчас наполнит ураганом звуков и рояль, и эстраду, и огромный зал, где, как бледные черви, двигались, лоснились женские плечи и мужские лысины.

И вот Бахман вбежал. Не обратив внимания на грохот приветствий, поднявшийся, как плотный конус, и рассыпавшийся на отдельные потухающие хлопки, он стал вращать, жадно воркуя, деревянный диск стула, и, погладив его, сел за рояль. Вытирая платком руки, он робкой улыбкой окинул первый ряд. Внезапно улыбка исчезла, и Бахман поморщился. Платок упал на пол. Он опять внимательно скользнул глазами по лицам; глаза его споткнулись на пустом месте посредине ряда. Тогда Бахман захлопнул крышку, встал, вышел вперед, к самому краю эстрады, и, закатив глаза,

Бахман. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
подняв, как балерина, согнутые руки, сделал два-три нелепых па. Публика застыла. В глубине вспыхнул смех. Бахман остановился, что-то проговорил, чего никто не расслышал, и затем, широким дугообразным движением показал всему залу кукиш.

– Это произошло так внезапно, – рассказывал мне Зак, – что я просто не успел прилететь на помощь. Я столкнулся с ним, когда после фиги – фиги вместо фуги – он удалялся со сцены. Я спросил: Бахман, куда? Он сказал нехорошее слово и шмыгнул в артистическую.

Тогда Зак сам вышел на эстраду, – и встречен был бурей гнева и гогота. Он выставил вперед ладонь и, добившись молчания, твердо обещал, что концерт состоится. Когда он вернулся в артистическую, то увидел, что Бахман, как ни в чем не бывало, сидит у стола, и, шевеля губами, читает программку.

Зак, взглянув на присутствующих и значительно поведя бровью, метнулся к телефону и позвонил Перовой. Он долго не мог добиться ответа; наконец что-то щелкнуло, и донесся ее слабый голос.

– Приезжайте сию же минуту, – затараторил Зак, стуча ребром руки по телефонному фолианту, – Бахман без вас не хочет играть. Ужасный скандал! Публика начинает – что вы? – да-да, – я же говорю: не хочет. Алло! А, черт! Разъединили...

У Перовой был сильный жар. Доктор, посетивший ее в этот день дважды, с недоумением смотрел на ртуть, так высоко поднявшуюся по красным ступенькам в горячем стеклянном столбике. Повесив телефонную трубку, – аппарат стоял у постели, – она, вероятно, радостно улыбнулась. Дрожа и покачиваясь, принялась одеваться. Нестерпимо кололо в груди, но сквозь туман и жужжанье жара звала радость. Мне почему-то кажется, что, когда она стала натягивать чулки, шелк цеплялся за ногти ее холодных ног. Кое-как причесавшись, запахнувшись в коричневую шубу, она, звякая тростью, вышла, велела швейцару кликнуть таксомотор. Черный асфальт блестел. Ручка автомобильной дверцы была ледяная и мокрая. Всю дорогу она, верно улыбалась смутной и счастливой улыбкой, – и шум мотора и шипение шин сливались с жарким жужжанием в висках. Когда подъехала к театру, то увидела: толпы людей, открывая на ходу сердитые зонтики, вываливаются на улицу. Ее чуть не сшибли с ног. Протиснулась. В артистической Зак ходил взад и вперед, хватая себя то за левую щеку, то за правую.

– Я был в состоянии бешенства! – рассказывал он мне. – Пока я бился у телефона, маэстро бежал. Сказал, что идет в уборную, и улизнул. Когда Перова приехала, я набросился на нее, – зачем не сидела в театре. Понимаете, я абсолютно упустил из виду, что она больна. Спрашивает: “Так, значит, он сейчас дома? значит, мы разъехались?” А я был в состоянии бешенства и кричу: “Какое там, черт, дома! В кабаке. В кабаке. В кабаке!” Потом я махнул рукой и убежал. Нужно было спасти кассира.

И Перова, дрожа и улыбаясь, поехала разыскивать Бахмана. Она знала приблизительно, где искать его, и туда-то, в темный, страшный квартал, повез ее удивленный шофер. Доехав до той улицы, где, по словам Зака, накануне нашли Бахмана, она отпустила таксомотор и, постукивая тростью, пошла по черботой панели, под косыми потоками черного дождя. Заходила она подряд во все кабаки, – взрывы грубой музыки оглушали ее, мужчины к ней нагло поворачивались, – она оглядывала дымное, кружащееся, разноцветное зальце и опять выходила в хлещущую ночь. Вскоре ей стало казаться, что она заходит все в один и тот же кабак, и мучительная слабость легла ей на плечи. Она шла, хромя и чуть слышно мыча, зажав в озябшей руке бирюзовую шишку трости. Полицейский, некоторое время следивший за ней, подошел медленными профессиональными шагами, спросил ее адрес; властно и мягко подвел ее к черному ландо ночного извозчика. В зловонном, ухающем сумраке ландо она потеряла сознание, и, когда очнулась, дверца была открыта, и кучер, в блестящей, клеенчатой накидке, концом кнутовища легонько тыкал ее в плечо. Потом, когда она очутилась в теплом коридоре, ее охватило чувство полного равнодушия ко всему. Она толкнула дверь своего номера, вошла. Бахман, босой, в ночной рубахе под холмом клетчатого одеяла, накинутого на плечи, сидел у нее на постели, и, барабанив двумя пальцами по мраморной доске ночного столика, ставил химическим карандашом точки на листке нотной бумаги. Он был так поглощен этим, что не заметил, как отворилась дверь. Перова испустила легкий, ахающий стон. Бахман встрепенулся. Одеяло поползло с его плеча.

Я думаю, это была единственная счастливая ночь во всей жизни Перовой. Думаю, что

Бахман. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
эти двое, полоумный музыкант и умирающая женщина, нашли в эту ночь слова, какие не снились величайшим поэтам мира. Когда, на следующее утро, негодующий Зак явился в гостиницу, он нашел Бахмана, глядевшего с восторженной тихой улыбкой на Перову, которая лежала без сознания под клетчатым одеялом поперек широкой постели. Неизвестно о чем думал Бахман, глядя на пылающее лицо подруги и слушая ее судорожное дыхание; вероятно, он понимал по-своему волнение ее тела, трепет и жар болезни, мысль о которой не приходила ему в голову. Зак вызвал доктора. Бахман сперва недоверчиво, с робкой улыбкой глядел на них, потом вцепился доктору в плечо, отбежал, хлопнул себя по лбу и заметался, лязгая зубами. Она умерла в тот же день, не придя в сознание. Выражение счастья так и не сошло у нее с лица. На ночном столике Зак нашел скомканную страницу нотной бумаги, но фиолетовые точки музыки, рассыпанные по ней, никто не мог разобрать.

– Я увез его сразу, – рассказывал мне Зак, – я боялся приезда мужа, сами понимаете. Бедняга Бахман, он был, как тряпочка, и все затыкал себе уши. Вскрикивал, как будто его щекотали: “Не надо звуков, звуков не надо!..” Я не знаю, собственно, что потрясло его так: между нами говоря, он никогда не любил этой несчастной женщины. Как никак, она погубила его, Бахман после похорон исчез бесследно. Теперь вы еще найдете его имя в объявлениях пианольных фирм, но вообще-то он забыт. Только через шесть лет нас снова столкнула судьба. На один момент. Я ждал поезда на маленькой станции в Швейцарии. Был, помню, роскошный вечер. Я был не один. Да, – женщина. Но это уже из личной оперы. И вот, представьте себе, вижу, собралась небольшая толпа, окружила человека, – низенького роста, в черном пальтишке, в черной шляпе. Он совал монету в щелку музыкального автомата и при этом плакал навзрыд. Сунет, послушает мелкую музыку и плачет. Потом что-то испортилось. Монета застряла. Он стал расшатывать ящик, громче заплакал, бросил, ушел. Я узнал его сразу, – но, понимаете, я был не один, с дамой, кругом народ, любопытные, – неудобно было подойти, сказать: “Здравствуй, Бахман...”

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!